

ВРЕМЯ И МЕСТО

Горький не ел конфет

Внучки вспоминают дедушку-писателя

Сергей Шаргунов

18 июня – годовщина со дня смерти Максима Горького. Корреспондент «НГ» встретился с его внучками Марфой Максимовной, которая многие годы работала в Государственном музее А.М. Горького, и Дарьей Максимовной, актрисой Театра им. Евг. Вахтангова.

– Вы хорошо запомнили Горького?

Марфа Максимовна: Еще бы. Когда дедушка умер, мне было почти одиннадцать лет.

Дарья Максимовна: А мне девять.

– Он уделял вам время?

Д.М.: Все свое свободное время. Жили мы за городом, дедушка нас звал, и мы шли с ним гулять в парк. Парк – большой, как лес. Горький любил собирать грибы. И мы ему помогали. Он очень радовался, если сам находил гриб. В своем «Детстве» Горький рассказывает, как ловил птиц. Надо сказать, он прекрасно разбирался в птичьих голосах и учил нас распознавать, какая птица поет.

– А любил ли Горький природу? Судя по его высказываниям, он чувствовал отчуждение человека от ее слепой власти.

М.М.: Здесь у меня возникают воспоминания о последней встрече с дедушкой. Он уже был болен. Хотел, видимо, с нами пообщаться напоследок, ощущая, что дни его сочтены. В то время были популярны идеи поворота вспять рек. Дедушка верил, что надо осваивать север нашей страны, делать тамошнюю суровую жизнь более терпимой. «Представляете, если там будет теплее! Можно будет сажать яблони и разные растения»... Тогда была сильна идея дерзновения. Казалось, надо вклиниваться в мир и что-то менять к лучшему.

– Он был веселым человеком?

М.М.: Да, любил людей, любил общаться. Очень веселым был наш отец – Максим. В Сорренто, где Алексей Максимович грустил вдали от Родины, Максим старался создать такую атмосферу, чтобы Горького отвлечь. Все собирались, придумывали шарады, выпускали «Соррентийскую правду» – домашний рукописный журнал, который Максим оформлял. Гости, приезжавшие к нам, принимали в журнале участие. Там есть рисунки Бориса Шалапина, смешные заметки дедушки... Журнал, весьма красочный, хранится сейчас в архиве.

Д.М.: Зато бабушка у нас была серьезная, строгая.

– Дедушка с вами играл?

Д.М.: Мы общались в прогулках. Вообще-то он считал, что детям игрушки – искусственных собак и кошек – дарить не следует. Надо иметь живых существ. У нас всегда был живой уголок и с рыбками, и с птичками. Одно время в большом аквариуме, в четырех стеклянных стенах, висела муравьиная куча. Через стекло была видна неустанная работа муравьев, их ходы...

– В быту Горький был скромным?

М.М.: Недавно кто-то заявил: Горький любил роскошь. Повод: особняк Рябушинского, куда дедушку поселили почти насильно. Переезжать в это грандиозное здание он не хотел, правительство предложило, деваться было некуда. А в жизни он не терпел излишеств. Случилось, нам подарили особенно красивые платья – заставил их снять и отправил в детский дом.

лени в детский дом. Дедушка воспитывал нас строго. Помню, в Сорренто каждое утро нам давали манную кашу. А в комнате был камин, и я стала бросать в камин эту надоевшую кашу. Завелись мыши – никто не мог понять: откуда? Подсмотрели. Пришел дедушка, схватил меня за руку и страшно ругал. «Дети голодают, а ты смеешь мышей кормить!» Бабушка вытатила меня из его «объятий».

М.М.: По поводу одежды – еще одна деталь. Водитель

мого близкого дедушке человека. После смерти Максима главным любовью Горького были мы, две маленькие девочки, жившие с ним в Горках, на даче. Смерть Максима фактически его сломила. Он сидел в кресле перед камином, мы с Дарьей присаживались рядышком, и весь разговор сводился к отцу. Когда наш отец вернулся вместе с семьей в Союз, он сразу же стал думать, чем ему заняться. Талантливый человек, он обладал большим юмором, мог

ные книги, пересказывал их содержание, занимался почтой.

– Как вы полагаете, отец и сын были верны партии?

М.М.: Вернувшись, Горький, судя по письмам Ромену Роллану и по высказываниям, многое стал понимать и переосмысливать. Максим был коммунистом с семнадцати лет. «Это наш человек. Его белые дважды ставили к стенке», – писал о нем Ленин послу в Италии Красину. Максим с юношеским порывом бросился в революцию, работал

сим, и Горького окружили высокими заборами, по-прежнему контактировать с миром – выезжать и общаться с нужными ему людьми – он уже не мог. Максим был связным. Все слышал, видел и рассказывал отцу. Считается, что Крючкову, сотруднику органов, было поручено Максима спаивать. Горького приглашали посетить завод или колхоз, вместе него ехал Максим. Кончалось большими застольями... Поднимался стакан за Сталина – попробуй до конца не выпей.

Д.М.: Не хотел писать о нем...

М.М.: Похоже, что не хотел. В 36-й своей смерти Горький развязал руки Сталину. Это совершенно точно. Дедушка имел настолько великий авторитет в мире, что Сталин не позволил бы себе множество поступков, впоследствии им совершенных.

– Вы общались со Сталиным?

Д.М.: Марфа дружила с его дочкой, Светланой. Они вместе учились все десять лет. А как-то Сталин прислал за мной машину, меня привезли на дачу. Он

звоняла, посылала в лагерь деньги из своей небольшой зарплаты. Естественно он знал о ее работе и об отношении к нему.

– Марфа Максимовна, вы были замужем за сыном Берии. А Берия-старший вам знаком?

М.М.: Конечно, Берия приезжал, мы вместе обедали, играли иногда в волейбол. Мне представляется, он в Кремле был умнее всех вместе взятых.

– Горький делился с вами творческими идеями, говорил о своем писательстве?

М.М.: Когда мы гуляли вместе, он нам что-нибудь рассказывал как бы из своего детства. Мы воспринимали это как его воспоминания. Но потом, в год его смерти, я все нашла в его книжке, в «Детстве». Я заново знакомилась с рассказами, уже слышанными на прогулках в лесу. Почему-то он не хотел, чтобы мы раньше времени читали им написанное.

– Возникло много кривотолков по поводу правдивости горьковской автобиографии. Будто бы Алексей Максимович приbedнялся, нависимывал эффектных происшествий...

Д.М.: То, что он нам рассказывал на даче в Горках, я затем прочла в книге. Я уверена: это правда.

– Я знаю, Горький интересовался спиритизмом, был мистичен...

Д.М.: Не знаю, как это объяснить, но в минуты его смерти ясный день вдруг сменила страшная гроза. С громом, с ливнем. Гроза длилась то короткое время, пока дедушка умирал.

М.М.: Да, я это тоже помню. И еще. Жила много лет у нас в доме Липочка, медсестра, ставила Горькому банки, делала уколы. И вот накануне смерти деда вижу: она с метлой бегает по коридору. Огромная ворона металась в комнатах Горького. А когда умерла бабушка, мы вошли в ее спальню – и там летал голубь.

– Представим, если бы Горький жил сейчас? Как бы он судил об окружающем?

Д.М.: Тяжко было бы ему. Думаю, тяжело.

– Имя вашего деда, в последние годы незаслуженно приглушенное, сейчас снова зазвучало. Пора забвения и поругания прошла. Горького читают, ставят его пьесы, «Литературная газета» вернула горьковский профиль на первую полосу. Талантливый писатель, выдающаяся личность – к такому мнению все в основном и сходятся...

Д.М.: Мы – интересная страна. Если ломают, то до основания храма Христа Спасителя, если возвышают, то опять же до уровня этого храма. Нельзя плевать на свое достоинство, на то, чем гордился весь мир. У нас всегда то хвала, то хула. Уверена, Алексей Максимович вернется к читателю. Сейчас том за томом издают письма Горького. Почтайте! В письмах – Горький открытый, без прикрас. Между прочим, за несколько месяцев до смерти Фаина Раневская говорила мне по телефону: «Я перечитываю «Клима Самгина» взахлеб... Это гениально!»

Максим Горький с внучками Дарьей и Марфой. Сорренто. 1932 год.

Фото из архива Дарьи Пешковой

– Неужели?

Д.М.: Это был 35-й год. Ромен Роллан гостил у нас. Какая-то фабрика прислала два красивейших платья, шелковые, белые, с синими птичками. Нас нарядили и привели в столовую, где сидел

Алексея Максимовича рассказывал: когда умер Максим, его пальто дед набросил на плечи и последние два года жизни с этим пальто не расставался. Кстати, в Тессели, в Крыму, он часто просил водителя разжи-

быть художником, мог писать, даже публиковал статьи, но не смог реализоваться из-за того, что фактически все время находился при Горьком как секретарь. Он знал в совершенстве итальянский и французский,

в ЧК, ездил комиссаром хлебного поезда из Москвы в Сибирь, а Горький пытался понять, что же происходит со страной. Они переписывались, и их мнения зачастую резко сталкивались. Они любили друг друга, это была редкостная дружба отца и сына, но любовь и дружба не мешали спору. Кстати, Горький в письмах называл Максима: «Мой комиссар». Именно Максим, которого считали тогда своим во всех властных учреждениях, сыграл, по всей видимости, ключевую роль в возвращении Горького в советскую Россию.

– Распространено мнение: с вашим отцом и даже с вашим дедушкой расправились.

М.М.: Я абсолютно уверена, что убрали папу. Через него Алексей Максимович был связан с внешним миром. Умер Мак-

– Может быть, просто тяга была к алкоголю?

М.М.: Во всяком случае, в Италии это не просматривалось. Началось питье в России.

Д.М.: Убили ли дедушку? В печати промелькнула дурацкая версия. Якобы ему принесли коробку отравленных конфет. Начнем с того, что дедушка конфеты не ел. А если бы ему подарили, нас бы угостили...

М.М.: Однако, видите ли, смерти Алексея Максимовича предшествовало следующее – Сталин желал, чтобы тот написал о нем такую же статью, как некогда о Ленине, и даже посылал Горькому материал: фрагменты своей биографии. Дедушка все время эти бумаги откладывал. Он, по-видимому, не мог заставить себя сесть за статью о Сталине.

повел меня на второй этаж, напоил чаем, угостил шоколадными конфетами.

– Опять конфеты...

Д.М.: Я от ужаса, что вижу «живого бога», не могла ни одну проглотить. Сталин был обходитель, спрашивал: «Как ты живешь?»

М.М.: У меня воспоминания о Сталине не из приятных. Он любил подтрунивать надо мной. Однажды обедали. Первое, что спросил он: много ли мальчиков вокруг меня крутится. Я смутилась, Светлана меня выручила, отшутилась. Еще он спросил ни с того ни с сего: «А как там ваша старуха?» Я молчу. Светлана – шепотом: «Это он про твою бабушку». Бабушка, председатель Красного Креста, облегчала участь людей, попавших в застенки, кого-то вы-

Нам подарили красивые платья – дедушка заставил их снять и отправил в детский дом

Роллан. Дедушка спрашивает: «Что такое? Откуда платья?» Отвечают: «Фабрика... Прислали...» Он: «Немедленно снимите!» Нас увели, мы, конечно, рыдали. И эти платья были отправ-

гать костер и подолгу, буквально часами смотрел на пламя. Особенно после смерти Максима. Последняя встреча с дедушкой была связана как раз с тем, чтобы мы не забывали папу, са-

потому что наша бабушка по своей линии, не связанной с Горьким, жила много в Париже, а летом все уезжали в Италию. Этим знанием языков Максим помогал дедушке – читал нуж-